

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**  
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ  
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

## **СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ**

**Черевков О.С.\***

### **ПРОБЛЕМАТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ ИСЛАМИЗМА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

DOI: 10.31249/rimm/2021.03.01

***Аннотация.** Начиная с 80-х годов XX в. на территорию России под внешним влиянием стала активно проникать деструктивная религиозно-политическая идеология исламизма. Его адепты расширяли и укрепляли свое влияние, используя поддержку извне и активно применяя экстремистские и террористические методы достижения власти под прикрытием приверженности мусульманскому вероучению. При этом исламизм проявляет высокую степень адаптации к используемым против него методам противодействия. В этой связи представляется актуальным обратить внимание на те области, в которых противодействие исламизму в России совершенствуется, и на то, какими путями этого возможно достичь.*

***Ключевые слова:** ваххабизм; ислам; исламизм; фундаментализм; экстремизм; терроризм; идеология.*

Исламизм – религиозно-политический идеологический комплекс, целью которого является кардинальное, революционное переустройство общественных отношений на базе отдельных положений исламской религии и под ее прикрытием. Эти

---

\* Черевков О.С., эксперт Центра региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, e-mail: cherefkoffos@yandex.ru

© Черевков О.С., 2021

преобразования достигаются, главным образом, путем насилия, как физического (убийства, разбой, нелегальные виды бизнеса, террор и т.п.), так и психологического (пропаганда, запугивание, вербовка новых последователей и т.п.). Данная идеология, в относительно современном своем виде зародившаяся на Ближнем Востоке в 30-х годах XX в., на сегодняшний день является настоящим бичом общественной безопасности не только в преимущественно мусульманских странах, но и в тех частях мира, где мусульмане никогда не составляли абсолютного большинства – Северной Америки, Европе, России, странах Восточной и Юго-Восточной Азии. Доступность современных средств коммуникации, открытость информационного пространства и наличие определенных материальных и духовных ресурсов позволяют adeptам исламизма достигать своих целей быстро и эффективно, адаптироваться под местные условия, находить свою целевую аудиторию. И хотя благодаря средствам массовой информации обывателю может показаться, что мировое сообщество активно противостоит радикалам, на самом деле наблюдается дисбаланс в методах этого противодействия: силовые, контртеррористические методы явно преобладают, в то время как антитеррористические методы, направленные на профилактику экстремизма, всё еще оставляют желать лучшего, что обуславливает актуальность изучения проблематики противодействия исламизму и поиск наиболее эффективного инструментария для этого противодействия.

Россия – один из оплотов борьбы против религиозно-политической идеологии исламизма. На протяжении многих лет она ведет борьбу с этим пагубным явлением. Одной из арен противостояния является регион Юга России, что обусловлено целым рядом факторов: географическим, культурным, цивилизационным, экономическим и т.д. Поиск нужных инструментов для противодействия идеологии исламизма невозможен без глубокого понимания того, при каких обстоятельствах данная система взглядов и суждений проникла в нашу страну, проникла на Юг России, в каких условиях она развивалась в ней, как адаптировалась. Поэтому в рамках данной статьи имеет смысл обратиться к историко-политологическому подходу и рассмотреть сквозь его призму события недавнего прошлого.

Проникновение деструктивной религиозно-политической идеологии исламизма, или, как она иногда упоминается в российской научной литературе и журналистике, «ваххабитской» идеологии, в нашу страну приходится на конец 80-х годов XX в. История

появления этого идеологического комплекса напрямую связана с системным кризисом центральной власти в СССР и России, ослаблением идеологического контроля, возникновением идеологического вакуума в обществе, что особенно серьезно затронуло молодежь. Либерализация выезда за границу привела к тому, что в преимущественно мусульманских республиках Юга России появилась достаточно большая прослойка молодых алимов, которые получили духовное образование в странах Ближнего Востока и завоевали определенный авторитет среди сторонников радикальных преобразований и сепаратистов.

Именно в этот период среди верующих мусульман Советского Союза началось распространение идей исламского фундаментализма и радикализма. Сторонники так называемого «чистого ислама» выделялись в общей массе мусульманской уммы СССР решительным отвержением атеизма, восприятием социалистического общества как общества «безбожного», а также противопоставлением себя официальным Духовным управлениям мусульман и критическим отношением к так называемому «народному исламу», принятому среди мусульманского населения Союза. Исламисты разной степени радикальности поступательно увеличивали интенсивность своей деятельности в крупнейших городах страны, а также были замечены в Татарстане и Башкирии. Однако в 1990-е годы именно Юг России стал тем регионом, где столкновение между сторонниками «чистого ислама» и людьми, поддерживавшими локальный «традиционный» ислам с вкраплениями горских обычаев, стало наиболее острым (*Кудрявцев, 2000*). Рост числа так называемых «ваххабитов» совпал с перестройкой и общим повышением интереса к исламу и религии в целом во всех слоях советского общества.

Исследователь Р.А. Силантьев отмечает такую особенность adeptов исламизма, которая сразу проявила себя в самом начале их существования на Юге России, как неспособность и нежелание терпеть рядом с собой представителей других религиозных и философских течений, выражающихся в проявлении крайней агрессии и насилии (*Силантьев, 2007*). В. Халидов отмечает, что «центральное место в идейной платформе сторонников исламизма занимает концепция непризнания любой власти, отходящей от предписаний шариата» (*Халидов, 2012*).

Духовными и материальными центрами исламизма в тот период стали Дагестан и Чечня. Появление провозвестников новой идеологии отмечают в своих работах шейх Саид Афанди Чиркей-

ский (*Аль-Чиркави, 2003. С. 99*), исламоведы М.В. Вагабов (*Вагабов, 1999*), В.О. Бобровников (*Бобровников, 2001. С. 82*). В.Х. Акаев отмечает, что еще в 1989 г. в официальных СМИ печатались статьи экстремистского характера, прославлявшие исламизм и критиковавшие устоявшиеся на Юге России мусульманские практики; фиксирует качественную подготовку исламистских проповедников и неспособность местных органов правопорядка и идеологического контроля справиться с приобретающей популярность идеологией (*Акаев, 2003*).

В то же время, на волне подъема политической деятельности верующих и религиозных объединений в целом активизировались и мусульманские организации, ставившие своей целью «очищение» ислама и установление нового типа социальных отношений, основанного на положениях ислама (*Ермаков, 1994*). Из рядов этих организаций, образованных, в основном, пришедшими извне проповедниками, «помощниками» из стран Ближнего Востока, Судана, Пакистана, Афганистана, вышли многие, ставшие впоследствии известными, «доморощенные» идеологи.

Чем слабее становилось Российское государство, тем более мощные позиции занимали исламисты. Установление контроля над большей частью бывшей Чечено-Ингушской АССР в период с 1991 по 1993 г. позволило им расширить свою социальную и экономическую базу, сформировать альянс с этнонационалистами, привлечь на свою сторону некоторых религиозных деятелей, ранее относившихся к официальным структурам духовного управления. Например, когда в декабре 1994 г. в Чеченскую Республику были введены федеральные войска, «газават» Москве объявил муфтий Х. Алсабеков – бывший наиб-имам Алма-Атинской мечети и наиб-муфтий Казахстана, прошедший обучение в Сирии и Пакистане. Он, а также многие подобные ему относились к молодому поколению алимов, которые подверглись влиянию радикальных фундаменталистов от ислама. В дальнейшем сепаратисты все чаще обращались к исламизму, после 1996 г., когда Чечня на некоторое время получила де-факто независимость. На ее территории под лозунгами «шариатизации» исламисты уничтожали представителей «старого» духовенства, учителей, бывших сотрудников правоохранительных органов и вообще всех, кто мог ими быть расценен как инакомыслящий. Исламисты не просто вошли в «правительство», они составляли в нем подавляющее большинство и желали расширения сферы своего влияния.

Тем временем в Дагестане распространением религиозно-политической идеологии исламизма занимался Б.М. Кебедов, создавший в ряде населенных пунктов Дагестана неподотчетные официальным органам духовного управления религиозные образовательные учреждения, в которых изучался «чистый ислам». В одной из таких школ, расположенной в Кизил-Юрте, обучались молодые люди со всех мусульманских регионов Юга России, их число достигало 700 человек (*Ханбабаев, 2001. С. 105*). Начав в духе их далеких провозвестников, египетских «Братьев-мусульман», с благотворительной и просветительской деятельности, исламисты в Дагестане быстро перешли к организационному строительству, созданию необходимой инфраструктуры, психологической и военной подготовке последователей. В этом им серьезно помогли нищета, безработица и отсутствие уверенности в завтрашнем дне, которые беспокоили в те дни подавляющее большинство населения не только республики, но и всей страны. Стала явной тенденция к провоцированию конфликта с приверженцами «традиционного» ислама, что выразилось, например, в организации несанкционированных митингов и беспорядков в Махачкале, Буйнакске, Хасавюрте, осквернении мечетей, изгнании имамов-«традиционалистов». Для того чтобы вовлечь в свои ряды новых адептов, в массовом порядке издавалась литература религиозных фундаменталистов. Книги не только ввозились из-за рубежа, но и печатались прямо на территории России, причем большими (до 100 тыс. экземпляров) тиражами (*Ханбабаев, 2001. С. 105*). Особое внимание экстремисты уделяли созданию собственных ячеек и приданию своей деятельности легитимного статуса, о чем пишет И.П. Добаев: «После завершения чеченских событий 1994–1996 гг. Б. Кебедов активно организовывал ваххабитские ячейки – «исламские общества» («джамааты») на территории Дагестана. На их основе в середине 1997 г. создается общественно-политическая организация “Исламское общество Дагестана”, официально зарегистрированное в Министерстве юстиции Республики Дагестан» (*Добаев, 2001*).

Несмотря на то, что в Дагестане региональные власти пытались оказывать давление на последователей исламизма, позиции последних продолжали усиливаться. Одна из причин тому – чудовищная по своим масштабам коррупция. Руководители разных уровней, чиновники федеральных и региональных ведомств приватизировали наиболее доходные отрасли экономики и социальной сферы. В обществе царила социальная несправедливость: рядовые граждане не могли найти работу, сельская и городская молодежь

всё чаще уходила в криминальные структуры. Ухудшавшаяся социально-экономическая ситуация способствовала культурному и идейному разброду, что, в свою очередь, содействовало значительному распространению идеологии исламизма в Республике Дагестан, в том числе и при мощной поддержке иностранных проповедников и религиозных организаций.

Деятельность исламистов в Дагестане и Чечне очень быстро приобретала агрессивный характер. Лидеры радикалов не скрывали своих планов по объединению всех мусульманских республик Юга России под знаменем «чистого ислама». Период 1998–1999 гг. стал апофеозом экспансионистских планов экстремистов и связан с образованием так называемой «Кадарской зоны» и вторжением боевиков в Дагестан. Лишь благодаря некоторой стабилизации социально-политической ситуации в стране, активизации взаимодействия федеральных и региональных органов власти и охраны правопорядка удалось отразить наступление исламистов. В дальнейшем, уже в ходе боевых действий на территории Чечни, федеральные власти применили тактику «чеченизации» конфликта, в некотором смысле постепенно отделяя его в общественном сознании от конфликтов в других частях света с участием радикалов. Чем стабильнее становилось экономическое положение населения, чем устойчивее вела себя власть, чем справедливее и жестче обеспечивалось соблюдение законности, тем больше слабели позиции экстремистов. Это выразилось, например, в переходе от полномасштабных боевых действий к партизанским (около 2005 г.); изменении структур управления бандитскими группами и удалении последних этнонационалистических элементов из локального идеологического комплекса северокавказского исламизма (2007); подпадании под более плотный контроль международных исламистских организаций (2012–2015). Сочетание эффективных контртеррористических (силовых) мероприятий, а также образование крупного очага напряженности в Сирии и отток большей части исламистов с Юга России позволили некоторым политикам и средствам массовой информации говорить о «разгроме террористического подполья на Северном Кавказе» (*Regnum*, 2016). Проблема противостояния исламизму несколько утратила резонанс и уже не находится в эпицентре внимания средств массовой информации, как это было еще несколько лет назад.

Однако, обращаясь к данным о количестве зарегистрированных преступлений террористической направленности в Российской Федерации, мы увидим, что их число существенно выросло:

в 2012 г. было зарегистрировано 637 подобных преступлений, в 2013 г. – 661, в 2014 – уже 1128, в 2015 – 1538, в 2016 – 2227, в 2017 – 1871, в 2018 – 1679, в 2019 – 1806. За период с января по октябрь 2020 г. зарегистрировано 1990 преступлений террористической направленности (*Генпрокуратура РФ, 2020*), что гораздо выше показателя предыдущего аналогичного периода. Уже лишь эти данные опровергают тезис о том, что исламизм в нашей стране разгромлен и потерял свое влияние: напротив, он никуда не делся, а активность радикалов – возростала.

Проблема противодействия исламистским радикалам усугубляется тем, что, несмотря на то что структуры «ИГ» (запрещенной в России террористической организации) были вытеснены в периферийные районы Сирии и Ирака, организации удалось в значительной степени сохранить свой финансово-экономический и организационный потенциал. По данным журнала *The Economist*, данная террористическая организация осуществила вывод крупного объема денежных средств из указанных выше государств, составлявший порядка 400 млн долл. США. При этом подавляющее большинство объемов этих средств было размещено в Турции, Ливане, европейских странах и монархиях Персидского залива (*Арчаков, 2016*). Тактика и стратегия действий экстремистов претерпели существенные изменения: если ранее религиозно-политические радикалы стремились к созданию единого пространства, «халифата», который бы очагами войн протянулся от Иберийского полуострова до Восточного Туркестана и островов в Тихом океане, то теперь речь идет о действиях глубоко законспирированных групп, действующих, по большей части, автономно, применяющих тактику точечных нападений и диверсий. Так называемые «спящие ячейки» исламистов действуют на территории более 60 государств мира, и Россия – не исключение (*Хоперская, 2018; ТАСС, 2018*). По сути своей, идет возврат к усовершенствованной концепции «мятежевойны», сформированной еще в 1960-е годы военным теоретиком русского зарубежья Месснером Е.Э., который в своей работе писал: «Воевание повстанцами, диверсантами, террористами, саботажниками, пропагандистами примет в будущем огромные размеры...» (*Месснер, 1960*).

Радикалы, наверняка не без помощи своих кураторов, смогли сохранить высший руководящий состав и организационную структуру. Основу руководителей автономных «джамаатов» составляют люди, получившие колоссальный опыт организации подпольного сопротивления на Ближнем Востоке, которые возвращаются в

страны своего происхождения, – это около 30% от всех принимавших участие в боевых действиях на стороне исламистов (Ковалев, 2019). К тому же, это люди, глубоко убежденные в своей правоте, правильности того, что они делают, и которые могут идеологически и психологически влиять на последователей и сочувствующих. Подобное идеологическое воздействие является краеугольным камнем в применении тактики «террора одиночек», характерными чертами которого являются низкие затраты и зачастую формальная непринадлежность самого террориста к структурам «джамаата». Здесь надо отметить, что тезис о применении такого типа террора не нов: к нему призывал в свое время один из лидеров «Аль-Каиды» (запрещенной в России террористической организации) Айман аз-Завахири. Суть подобного рода стратегии заключается в том, что лица, которые могут быть изначально не аффилированы с исламистскими организациями, но которые разделяют религиозно-политические экстремистские взгляды, должны самостоятельно и без существенной поддержки со стороны исламистских организаций (за исключением идеологической) совершать террористические действия, а организации, в свою очередь, должны брать ответственность на себя за их проведение по факту (Андрюхин, 2018). Примеров подобных акций по состоянию на 2020 г. уже много: 2 февраля – нападение с применением холодного оружия в Лондоне (Российская газета, 2020); 16 октября – громкое убийство учителя Самюэля Пати в Париже (Вести, 2020); 29 октября – массовое убийство в Ницце в католической базилике Нотр-Дам (Газета.РУ, 2020); 2 ноября – террористический акт в Вене (Российская газета, 2020).

В России также создалась напряженная ситуация: Федеральная служба безопасности в течение года заявила о предотвращении более 20 террористических актов, география которых охватывает Москву, Санкт-Петербург, Башкортостан, Дагестан, Ингушетию, Кабардино-Балкарию, Ханты-Мансийский АО, Красноярск, Мурманск, Астрахань, Ростовскую область, Чувашию, Тверскую область, Ставропольский край и др. (РИА, 2020). Важно отметить, что среди несостоявшихся исполнителей терактов в России выделяются две категории: первая – выходцы из Центральной Азии, вторая – из мусульманских республик Юга России. Они, как правило, возвратились из зоны боевых действий на Ближнем Востоке и размещались, главным образом, в крупных экономических центрах регионов, что отличает нынешний тип исламистского подполья от существовавшего еще в начале 2010-х годов («лесная умма»).

В контексте нашей статьи особое внимание хотелось бы уделить именно Югу России, где всё еще – по старой и недоброй традиции – сильны позиции исламистов. Особое внимание вновь на себя обращает Дагестан, где «ваххабиты», как в 90-е годы, жестко конкурируют с представителями официальных духовных органов за мировоззрение, в первую очередь, молодежи. Несмотря на громкие заявления отдельных представителей региональных властей, Дагестан остается территорией, где экстремистская деятельность имеет систематический, а не эпизодический характер. При этом Дагестан превращается в один из центров координации религиозно-политического экстремизма по всей России. По мнению ряда специалистов, пока в регионе будут сильны позиции «ваххабитов», угроза остальной территории страны также будет оставаться высокой, поскольку «человек, исповедующий ваххабитскую идеологию, является потенциальным рекрутом, он и есть “спящая ячейка”» (Накануне, 2018).

Исламистам удалось сохранить свое присутствие в информационном поле, где всё еще продолжают действовать многоязычные современные СМИ – информационные агентства с обученными специалистами, телеканалы, сетевой журнал, сообщества и информационные каналы в социальных сетях, особенно Telegram, которые регулярно выпускают материалы достаточно высокого качества исполнения (Ставропольская правда, 2018).

Ввиду всего вышесказанного, хотелось бы, не отрицая успехов российских сил охраны правопорядка за последние годы, обратить внимание на дисбаланс между контртеррористическим (силовым, направленным на ликвидацию уже существующих исламистских ячеек) и антитеррористическим (информационно-идеологическим, профилактическим, направленным на уничтожение влияния деструктивной идеологии) противодействием. В Российской Федерации в конце 2018 г. был принят «Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы», среди целей которого были следующие положения: повышение эффективности профилактической работы с лицами, подверженными воздействию идеологии терроризма, а также подпадавшими под ее влияние; реализация мер по формированию у населения Российской Федерации антитеррористического сознания; совершенствование мер информационно-пропагандистского характера и защиты информационного пространства Российской Федерации от идеологии терроризма; развитие организационных и иных мер, направленных на повышение результативности деятельности субъектов противодействия терроризму (Национальный

антитеррористический комитет, 2018). За 2019 г. в плане антитеррористической деятельности российские спецслужбы достигли следующих результатов: заблокированы финансовые активы более 2 тыс. лиц, подозреваемых в причастности к террористической деятельности; проведено более 12 тыс. адресных профилактических мероприятий с лицами, подверженными воздействию террористической пропаганды, около 14 тыс. мероприятий с лицами, отбывающими наказание за совершение преступлений, около 35 тыс. мероприятий с трудовыми мигрантами (*Rambler*, 2019). Однако угроза религиозно-политического экстремизма никуда не уходит, потому что нет четкой и простой системы идей, своего рода «плана жизненных действий», который бы можно было противопоставить такому мощному идеологическому комплексу, как исламизм, который бы бил по самым слабым точкам этой идеологии: о несостоятельности «чистоты» ислама, который проповедуют радикалы (*Добаев, 2020*); о тупиковости и ретроградности системы социальных взаимоотношений, которую хотят выстроить исламисты и т.д. Не уделяется достаточно внимания именно идеологической повестке, а если оно уделяется, то не совсем верно определяется целевая аудитория.

Для понимания возможных путей борьбы с идеологией исламизма имеет смысл изучить определенный зарубежный опыт. Исследованию проблематики противодействия идеологии радикального ислама посвящен ряд работ известного исламоведа И.П. Добаева (*Добаев, 2011, 2014, 2015, 2020, 2021*). Так, отмечается приоритет разоблачительной деятельности в отношении исламистских лидеров и организаций при разработке методов идеологического противодействия в Соединенных Штатах Америки. При этом в этой деятельности активно задействованы крупные специалисты в этой области, научные центры и институты; регулярно проводятся совместные экспертные мероприятия при участии сотрудников спецслужб и лиц, пользующихся авторитетом в мусульманской среде.

Важно отметить, что американская внешняя политика зачастую направлена на поддержку «умеренных» исламистов, готовых идти на сделку с США и их союзниками, таким образом реализуется принцип «разделяй и властвуй». Делается упор на ликвидацию исламизма руками последователей ислама (*Cohen, 2001*). Финансируются и тщательно организовываются визиты симпатизирующих исламистам религиозно-политических деятелей в США, где они контактируют исключительно с представителями традиционных направлений религии, максимум – с некоторыми умеренными реформистами. Амери-

канцы последовательно ведут политику по пресечению насилия в отношении ряда социальных и религиозных групп в мусульманских странах, подчеркивая, что те, кто совершает подобные действия, ставятся в один ряд с исламистскими радикалами; активно поддерживают локальные и региональные СМИ, которые критикуют религиозно-политический экстремизм, изображают образ жизни на Западе и капиталистическую систему в положительном ключе (Добавев, 2015).

Реализация качественного идеологического противодействия требует использования современных социальных и информационно-коммуникационных технологий. Так, объединяющую США и ряд их союзников (Великобританию, Канаду, Австралию, Новую Зеландию) систему радиоэлектронной борьбы «Эшелон» послесобытий 2001 г. в значительной степени ориентировали на обеспечение антитеррористической деятельности. В систему входят лучшие технические, программные решения, предназначенные для перехвата и анализа информации. Система в состоянии распознать любой язык, который есть в ее базе, и если будут обнаружены ключевые слова, то можно считать, что указанный объект попадет под присмотр спецслужб (Бочарников, 2013). По мнению исследователей И.В. Бочарникова и С.С. Гончарова, своего рода аналогом такой системы в России мог бы стать «пакет Яровой», но желание государства сэкономить привело к тому, что техническая составляющая реализуется операторами мобильной связи, которые являются субъектами экономических отношений, для них обеспечение государственной безопасности стоит уже после получения прибыли (Бочарников, 2019).

Следует обратить внимание и на другой вектор американской антитеррористической стратегии. Еще в 2015 г., наблюдая за «обратной миграцией» исламистов из Сирии и Ирака на родину, в страны Центральной Азии, Соединенные Штаты приняли «Стратегию по борьбе с экстремистскими идеями», объектом которой стало население государств указанного региона, а одной из главных целей – борьба с террористической угрозой и идеологией исламизма. Затем была принята новая редакция стратегии, которая охватывает период с 2019 по 2025 г. В отчете Государственного департамента США говорится о том, что США направили более 9 млрд долл. прямой помощи странам, выделили более 50 млрд долл. через международные организации, американский капитал инвестировал более 31 млрд долл. в экономику стран Центральной Азии. Американские специализиро-

ванные средства массовой информации распространяют информационные материалы на языках народов Центральной Азии, которые посвящены исламистской угрозе (*U.S. Department of State, 2018*). При этом, возможно, следствием такой активной политики США в регионе является отток исламистов в Россию. Поэтому для Российского государства важно реализовывать программы, которые были бы схожи по своей сути с американской «Стратегией».

Не только такие крупные и богатые страны, как США, способны эффективно противостоять религиозно-политическому экстремизму. Например, опыт создания единого идеологического и информационного центра по противодействию исламизму есть у Алжира: посредством массовой контрпропаганды, сосредоточения внимания на отвергающих насилие и террор положениях Корана и Сунны и нелицеприятных фактах из истории «ваххабизма» лояльные властям религиозные деятели добились существенных успехов в исправлении ситуации, а также дискредитации исламистского движения в глазах молодежи (*Абдуллина, 2017*).

У нашей страны есть все основания для того, чтобы при помощи специалистов в области исламоведения, авторитетных религиозных деятелей вести более активную и успешную контрпропагандистскую работу, направленную на группы риска – мусульманскую молодежь России и прибывающих в нашу страну трудовых мигрантов из Центральной Азии. Необходимо осуществлять работу по адаптации и социализации не только в отношении приехавших в нашу страну, но и в определенных случаях – непосредственно и наших граждан, что позволит вывести их из категории «уязвимых» для исламистского влияния людей.

Важной представляется реализация действий, направленных на развенчание ореола мнимого «героизма» вокруг исламистов, дискредитацию глав «джамаатов» и деятелей больших исламистских организаций, в том числе и посредством киноискусства. Так, отличными примерами того, как нужно снимать качественную контрпропаганду, стали: британский мини-сериал «Государство» (*Кинопоиск, 2017*), шведский сериал «Халифат» (*Кинопоиск, 2020*), ближневосточный сериал «Черные вороны» (*Кинопоиск, 2017*).

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что число сторонников исламизма в мире в целом и России в частности, рост влияния этой религиозно-политической экстремистской идеологии, активизация ее членов говорят о том, что проблематика противодействия исламизму становится как никогда актуальной. Несмотря на то что Российская Федерация находится в авангарде

силового противостояния экстремистам, всё еще существуют области для совершенствования данной политики, в частности, в сфере идеологического противодействия. Для того чтобы реализовать эффективное сопротивление исламистской идеологии, необходимо осуществить ряд качественных и масштабных мероприятий, при разработке которых следует учесть международный опыт и понимать важность использования современных социальных и информационно-коммуникационных технологий.

## Список литературы

1. *Абдуллина Я.Б.* Ослабление исламского фундаментализма в Алжире // 30 лет кафедре религиоведения Уральского федерального университета. Сборник научных статей. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт социологических и политических наук, Департамент философии, кафедра религиоведения. – Екатеринбург, 2017. – С. 82–88.
2. *Акаев В.Х.* Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе // Северо-Кавказский центр высшей школы, Чеченский государственный университет. – Грозный, 2003. 264 с.
3. *Аль-Чиркави, Саид-Афанди.* Сокровищница благодатных знаний. – М., 2003.
4. *Андрюхин Н.Г., Смирнов А.А.* Терроризм одинок как современная форма террористической деятельности // Международная жизнь. – М., 2018. № 9. С. 91–109.
5. *Арчаков М.К.* Материально-техническое обеспечение исламских экстремистских организаций. // Чтения памяти профессора А.А. Сидоренко. – Благовещенск, 2016. № 3. – С. 12–20.
6. *Бобровников В.О.* Ислам на постсоветском Северном Кавказе (Дагестан): миф и реальность // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / под ред. А. Малашенко и М.Б. Олкотт; Моск. Центр Карнеги. – М., 2001.
7. *Бочарников И.В.* Информационное противодействие терроризму в современных условиях // Проблемы безопасности. – М., 2013. № 3 (21). С. 2–3.
8. *Бочарников И.В., Гончаров С.С.* «Спящие ячейки» террористического псевдохалифата «ИГ» в России: меры профилактики и противодействия // Наука. Общество. Оборона. – М.: 2019, Т. 7, № 4.
9. *Вазабов М.* Кто заинтересован в эскалации войны // НГ – Религии. 1999. 1 сентября.
10. Вести (2020). Исламист жестоко убил французского учителя из-за карикатур на пророка Мухаммеда. Режим доступа: <https://www.vesti.ru/article/2473331>
11. Газета.ру (2020). Трое погибших, обезглавлена женщина: в Ницце произошел теракт. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2020/10/29/13338271.shtml>
12. Генеральная прокуратура Российской Федерации (2020). Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Режим доступа: [http://crimestat.ru/offenses\\_map](http://crimestat.ru/offenses_map)

13. *Добаев И.П.* К вопросу о религиозной чистоте «истинного ислама» // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 3. С. 202–215.
14. *Добаев И.П.* Ваххабизм как социально-политический феномен в Саудовской Аравии и на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. – Ростов н/Д., 2001. № 3. С. 56–67.
15. *Добаев И.П.* Противодействие новому терроризму в идеологической сфере: зарубежный опыт // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – Ростов н/Д, 2015. № 3. С. 87–90.
16. *Добаев И.П.* Радикализация ислама в современной России. Москва; Ростов н/Д.: Социально-гуманитарные знания. 2014. 332 с.
17. *Добаев И.П., Добаев А.И.* Терроризм и антитеррористическая деятельность в Российской Федерации. – Ростов н/Д.: Издательство ЮФУ, 2011. 200 с.
18. *Добаев И.П., Добаев А.И., Немчина В.И.* Геополитика и терроризм эпохи пост-модерна. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2015. 370 с.
19. *Ермаков И., Микульский Д.* Ислам в России и Средней Азии. – М., 1994.
20. Кинопоиск (2017). Страница мини-сериала «Государство». Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/series/1046886/>
21. Кинопоиск (2017). Страница сериала «Черные вороны». Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/series/1048714/>
22. Кинопоиск (2020). Страница сериала «Халифат». Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/series/1331193/>
23. *Ковалев А.А.* Актуальные проблемы национальной безопасности России: теоретические и практические аспекты / под общей редакцией В.А. Шамахова – СПб.: Издательство Коновалова А.М., 2019.
24. *Кудрявцев А.В.* (2000). Ваххабизм: проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе. Режим доступа: <http://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/14.Kudriav.shtml>
25. *Месснер Е.Э.* Мятёж – имя третьей всемирной. – Буэнос-Айрес, 1960.
26. Накануне (2018). Православные храмы оказались в зоне риска. Режим доступа: <https://www.nakanune.ru/articles/113711/>
27. Национальный антитеррористический комитет России (2018). Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019 – 2023 годы. Режим доступа: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.html>
28. Рамблер (2019). Глава ФСБ подвел итоги антитеррористической работы в 2019 г. Режим доступа: <https://news.rambler.ru/other/43337054-glava-fsb-podvel-itogi-antiterroristicheskoy-raboty-za-2019-god/>
29. Регнум (2017). Ликвидация в Дагестане Рустама Асильдерова – крупный успех силовиков. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/2213731.html>
30. РИА (2020). Случаи предотвращения терактов в России в 2020 году. Режим доступа: <https://ria.ru/20201015/terakty-1579936608.html>
31. Российская газета (2020). В Лондоне произошел очередной теракт с применением холодного оружия. Режим доступа: <https://rg.ru/2020/02/02/v-londone-proizoshel-ocherednoj-terakt-s-primeneniem-holodnogo-oruzhiia.html>
32. Российская газета (2020). В центре Вены у синагоги произошла стрельба. Режим доступа: <https://rg.ru/2020/11/02/v-centre-veny-u-sinagogi-proizoshla-strelba.html>

33. Силантьев Р.А. (2007). Россия ваххабитская. Режим доступа: <http://www.gazetanv.ru/article/?id=833>
34. Ставропольская правда (2018). Из выступления Патрушева Н.П. в ходе выездного совещания в Черкесске 11.04.2018 г. Террористы рвутся на Кавказ. Режим доступа: [https://yandex.ru/turbo/stappravda.ru/s/20180413/terroristy\\_rvutsya\\_na\\_kavkaz\\_119517.html](https://yandex.ru/turbo/stappravda.ru/s/20180413/terroristy_rvutsya_na_kavkaz_119517.html)
35. ТАСС (2018). АТЦ СНГ: «спящие ячейки» террористов существуют во многих странах. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/5736238> (дата обращения: 04.12.2020).
36. Халидов В. (2012). Возможен ли диалог с «лесной уммой»? Режим доступа: [http://islamio.ru/news/society/vozmozhen\\_li\\_dialog\\_s\\_lesnoy\\_umмой/](http://islamio.ru/news/society/vozmozhen_li_dialog_s_lesnoy_umмой/)
37. Ханбабаев К.М. Этапы распространения ваххабизма в Дагестане // Алимь и ученые противваххабизма. – Махачкала, 2001.
38. Хонёрская Л.Л. «Исламское государство 2.0»: нарастающая угроза на евразийском пространстве // Caucasian Science Bridge. 2018.1 (1). С. 51–64.
39. Cohen A. Hizbut-Taqhrir. An Emerging Treat to U.S. Interests in Central Asia // The Heritage Foundation. 2003. 30 May.
40. U.S. Department of State (2018). United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity (Overview). Available at: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/>

**Сченснович В.Н.\***  
**МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА**  
**В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**  
**(Аналитический обзор)**

DOI: 10.31249/rimm/2021.03.02

***Аннотация.** В обзоре анализируются наиболее существенные черты государственной миграционной политики современной России. Акцентировано внимание на религиозном факторе, этнополитике, регулировании внешней трудовой миграции, адаптации и интеграции мигрантов-мусульман.*

***Ключевые слова:** миграция; этнорелигиозный состав населения; мусульмане; ислам; анклавь; демографические тренды; миграционная политика; государственное управление; мусульманские религиозные организации; регулирование внешней трудовой миграции; адаптация и интеграция мигрантов; рынок труда; иностранная рабочая сила (ИРС); квоты.*

---

\* Сченснович В.Н., научный сотрудник, отдел Азии и Африки, ИНИОН РАН, e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru